

Шамба Балинов.

Чем было Казачество.

(Окончание).

2. О казачьем сознании.

Современные русские историки упорно утверждают, что казаки — русские люди, что сами казаки так, мол, определяли самих себя, что они, в качестве русских патриотов, не переставали служить русскому государству, что, мол, и сами казаки так рассматривают свои взаимоотношения с Москвой.

Что казаки оказали Москве величайшие услуги — в этом нет никакого сомнения. Но интересно в этом отношении ознакомиться со взглядами на этот вопрос некоторых русских же ученых, а самое главное — понять то, как сами казаки рассматривали свою „службу“ Москве?

Русский историк Устрялов в своей „Русской истории“ пишет: „на берегах Дона, Донца, Ворсклы, в низовьях Днепровских появились люди свободные, греческой веры, русского языка, не признававшие над собой ничьей власти; они... не шадли и Россию: то были казаки... Главным пунктом, где развивалась казачья жизнь в полном блеске, было низовье Дона; здесь образовалось казачье общество в виде особого народа и отсюда пустило оно отрасли до берегов Днепра, Урала, Кубани. Народ казачий возник из слияния разноплеменных людей, искавших необузданной воли; в состав его вошли остатки древних половцев, черкесы, переселившиеся с Кавказа, русские удалцы, для которых были тягостны законы, беглые поляки, литовцы, молдаване, отчасти и татары, не терпевшие самовольства ханов. Чудная смесь племен отразилась в чертах казаков, в их языке, в самом образе жизни: лицо их доселе выражает нечто азиатское; язык состоит из слов русских, татарских, польских; бесстрашие в битвах напоминает детей Кавказа, именем которых они гордятся, называя себя без разбора и Казаками и Черкасами“...

Так с несомненностью признает русский историк существование особого казачьего народа, особого казачьего языка.

Один иностранный ученый, д-р Г. Шульд, пишет: „в беспоконных пограничных областях между русскими владениями (т. е. в степной полосе, на Казачьих Землях) образовалась мало-по-малу особая народность“.

Казачью особность, их независимость признают даже московская Боярская Дума и сам царь Иоанн IV. В 1538 г. на жалобу Турции на казаков Боярская Дума отвечает: „на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и наших окраин казаки смешавшись ходят и те люди как вам, так и нам тати и разбойники“.

В этом документе устанавливается, что на „Дикое Поле“ бежали не московские крестьяне, а именно „многие казаки“, т. е. возвращались на свою древнюю Родину казаки-эмигранты, бежавшие к азовцам, крымцам и на московские окраины и, возвращаясь, „смешивались“.

В 1549 г. Ногайский князь Юсуф также жалуется, что казаки нападают на его владения, забирают в плен. На это Москва ответила: „те разбойники (казаки), что гостей ваших забирают, живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз послали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут: вы бы сами велели их переловить и к нам переслати, а мы бы приказали их казнить“...

Или в другом месте тот же царь Иоанн IV описывает крымскому хану: „казаки на Дону живут не по моей воле, бывают в войне и мире без моего ведома“...

Точно также сами казаки понимали свое происхождение, так именно расценивали свою „службу“ Москве, свои взаимоотношения с Москвой. Это ярко выразилось в одном документе. В 1632 г., после двухлетнего разрыва дипломатических сношений и экономической блокады против Дона, Москва пожелала установить свою власть (скорее символически) над Казачеством.

Начала Москва с того, что заставила присягнуть прибывшую в Москву донскую зимовую станицу, на что Войско Донское ответило: „...крестного, государя, целования на Дону, как и зачался Дон казачьиими головами, не повелось“... Далее в этом же документе казаки подробно перечисляют свою „службу“ Москве, как они помогали ей своим войском и каждый раз заключают: „казаки служили — не за крестным целованием“ и заканчивают свой ответ гордо и твердо: „а с нами того крестного целования не обновитца, чего искони веков не было“...

В 1648 г. посол московского царя, Андрей Лазарев, привел на Дон, на помощь казакам, отряд войск и, желая совершить обряд символического подчинения казаков Москве, потребовал, чтобы казаки пришли к нему на посольский стан получить царскую грамоту. И сам же Лазарев пишет своему царю, как казаки ответили на его попытку: „велели меня за ноги приволочь до Кругу“.

Немного раньше, в 1645 году, когда Дон изнемог после взятия Азова, царский посол, Ждан Кондырев, приведший на Дон вспомогательный отряд, тоже пожелал совершить обряд символического подчинения Донского Казачества Москве и „позвал атаманов и казаков к себе на стан“. На эту попытку Кондырева Войсковой Круг ответил: „А Войску де Донскому к Вам в стан не хаживать, и наперед де сего того не бывало, что атаманам и всему Войску Донскому к Вам, к стану ходить“... Казаки считали такую попытку — бесчестьем для Войска и писали Кондыреву: „в Круг нейдете, и тем Войску бесчестье. А у нас тово в Войску николи не повелось, что ходить Войску к Вам на стан... Вы в Круг нейдете и государевы казны не отдаете. А у нас — де, как и зачалось Донское Войско, такового образа не бывало, что Донскому Войску на стан ходить или иные такие статьи переменять. И о том — де у нас в Кругу приговор, как истари бывало, так и ныне будет. И велели Вам от Войска говорить, будет вы к нам в Круг не пойдете и в предь к вам о том от Войска пересылки никакие не будут, и государевы казны и запасы не примем“... (Сватиков).

Вот как высоко ставили казаки предки свою независимость, как ревниво ее оберегали! Находясь в труднейшем положении (после взятия Азова), во имя защиты своей воли, чтобы Войско свое не „бесчестить“, казаки отказываются от приема царской казны и запасов!

Другого царского посла, Ивана Карамышева, в 1630 г. казаки обезглавили „за его великую неправду“. Точно также поступили казаки и с турецким послом при русском дворе, Фомой Кантакузеном, пытавшимся в 1637 году подать „вести“ туркам. И... „его, посла, за то с его людьми порубили“, — писали потом казаки.

Казаки твердо сознавали свою особность. Всех, кто покушался на суверенное право народа, судили и наказывали на своем верховном судилище — на Войсковом Кругу. И проф. Сватиков совершенно справедливо пишет: „Круг считал себя вправе судить и казнить за покушения на державные права республики всех: и „воровских“ казаков, и сепаратистов „Черкасско-Запорожцев“ и даже иностранных послов“.

Эти „державные права республики“, казачья государственная независимость безусловно признавалась и всеми русскими царями, их правительствами вплоть до Петровского разгрома Казачества, когда все сношения Донского Казачества с Москвой велись через так называемый „Посольский Приказ“ (современное Министерство Иностранных Дел), когда казачьим послам („Зимовые Станицы“) на Москве, по словам московского дипломата того времени, Котошихина, „оказывалась честь наравне с иноземными послами“.

Можно ли, имея такие непререкаемые исторические факты, говорить, что казачье освободительное

движение, идея казачьей государственной независимости — явление новое, заграничного производства? Конечно, нет! По этой «линии» возражать против самостийников абсолютно невозможно, ибо исторические факты вопиют против этого.

Нет ничего удивительного, что далекие казацкие предки, ярко сознававшие свою особность, свое неотъемлемое право по своему строить свою самостоятельную государственную жизнь, — так энергично и решительно охраняли и отстаивали престиж Донского Круга, неприкосновенность державных прав Донского государства!

Предки Казачества, во имя защиты своих государственных прав, готовы были вступить в войну и с Москвой. В 1630 году, после убийства царского посла, Карамышева, в ожидании возможной карательной экспедиции со стороны Москвы, собрался «Съезд всего Войска» и решил: «...с Москвы хоть сто тысяч пришлют, то мы не боимся, соберемся в один городок». Тогда же донцы немедленно заключили оборонительный союз против Москвы с Запорожской республикой, чтобы... «как откуда приходу чаять, каких людей многих, им взаимно помогать, а Дону де нам без крови не покидывать»...

Когда в 1632 году Донские послы, атаманы Богдан Конинский и Тимофей Яковлев, Лебяжья Шея, вынуждены были патриархом Филаретом присягнуть за Войско на верность московскому царю, то Войско решительно отвергло это покушение Москвы на казачью независимость и немедленно написало: «а креста, государи, целовати мы челобитчикам своим не писали, то они учинили не помня старины, своими молодыми разумы, без нашего Войскового совету и без приказа».

Нечего говорить о всем известном движении Степана Разина, положившего свою буйную казачью голову на московской плахе...

Точно также известно всем так трагически закончившееся движение Кондратия Булавина, поднявшего знамя борьбы «за казачью волюности, за честь казачью, неподкупную». В те времена казаки говорили: «если государь пришлет нам на Дон рать большую, то мы замиримся с Азовом и поднимем Крым, и старшины, которые с Разиным не были и государю доброхотствовали, побьем, чтобы они в Москву вестей не данали»...

Как изменились времена и казачье сознание! Тогда «вести» в Москву рассматривались, как измена Дону, а теперь считается нравственным долгом «доброхотствовать» Москве.

Даже Пугачев в 1774 году обращался к казакам: «вы ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые не насытятся Россиею, но и природные казацкие Войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род»...

Полковник Евграф Грузинов, в 1800 году казненный, защищая казачью волюности и независимость, говорил, что «все Донские казаки независимы от царского престола и не обещались перед ним вечною присягой, а только временной относительно службы, что он (Грузинов), а также все казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные» Павла I.

Даже такой человек, как ген. Чернышев, любимец Александра I, в 1819 году назначенный председателем «Комитета об устройстве Войска Донского», конечно, далекий от признания казачьих прав на независимость, по изучению положения на месте, вынужден был писать своему государю: «...Донской народ угнетен беззакониями всякого рода... Целый народ безответственно угнетается... Тот же Чернышев в другом месте должен был признаться перед своим государем, что среди донских казаков, «кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучающихся в университетах (имеется в виду группа Сухорукова!), всегда замечались мечтательные мысли насчет самостоятельности их отчины».

Можно ли, имея бесспорное свидетельство таких

людей, как г. Чернышев, который не допускал «даже самые мысли» о казачьей самостоятельности, говорить теперь, что самостоятельность — новое, заграничное, явление? Очевидно, для того, чтобы так утверждать, надо основательно забыть всю казачью древнюю старину или совсем ее не знать!

Даже революционеры XIX ст. хорошо уловили это казачье настроение, не умирая живущее в душе казаков, и на этой казачьей национальной струнке они строили свое обращение (1848) к казакам, адресуя его «Храбром народу, казакам донским» и указывали казакам, что «ваши свободы и права... не устояли против нападений то лести, то насилия... Довольно вам этой жизни низкой и сромотной, храброй Народ, проснись на зов народов от Запада... Позовите к Вам всех казаков и тогда сделаетесь государством сильным, которое будет владеть землями и морями, и благоденствовать в славе... Воины Дона, Урала, сражайтесь одно мгновение, как вольные люди, а получите мир, свободу и счастье навсегда»...

Офицер ген. штаба Н. И. Краснов в «Географическом и статистическом описании Земли Войска Донского» (1863) тоже констатирует это казачье особое сознание и пишет, что «всякое постановление помимо их (казаков) заявления возбуждают в донцах недовольствие и нелюбовь к иногородним, которых они (казаки) называют «русскими», считая себя как бы отдельным народом».

Члены свиты цесаревича, посланного в 1863 году на Дон, вернувшись в Петербург, вынуждены были констатировать, что существует «стремление донских казаков к автономии и независимости».

Возникшая в 1905 году казачья политическая организация «Областной Казачий Союз» в своей объяснительной записке к проекту устава, писала «Воля, независимость свободной полноправной личности была для казаков дороже всего... И, говоря о заветах предков, не следует забывать, прежде всего, этого. Из исторической борьбы Казачества за свободу и независимость вытекали и главнейшие права Казачества: право на всю землю, которую Казачество кровью своею приобрело»...

В 1906 году сбор Усть-Медведицкой станицы постановил: «В Войске Донском должно быть восстановлено прежнее самоуправление Казачества, должен по прежнему созываться Войсковой Круг из всех казаков-граждан для решения всех вопросов внутренней жизни Казачества, как это было встарь».

Если обратить внимание на слова «прежнее», «по прежнему» и «встарь», то станет совершенно понятным — какого самоуправления Казачества и какого Войскового Круга требовал сбор Усть-Медведицкой станицы, ибо «прежде» и «встарь» самоуправление и Войсковой Круг существовали до разгрома Казачества Петром I, когда Казачество было совершенно самостоятельным государством.

В Гос. Думе В. А. Харламов говорит о возрождении среди донского Казачества «того старого духа свободы, который создал Казачество, и который с течением веков нашим самодержавным бюрократическим правительством, истреблен в казаках». Ныне решительный противник казачьей самостоятельности, отрицающий право Казачества именовать себя отдельным народом, В. А. Харламов, вынужден был признать с трибуны Гос. Думы, что «для казака его область — это был особый мир. Это — моя страна: я здесь дома — говорит казак, — а там Россия, там все чужое. И он (казак) не считал себя связанным с нею (Россией)».

Советский писатель Шолохов, устами героя своего романа, простого казака Афоньки, передает, как казаки сами про себя думают. Когда революционер Штокман, уговаривая казаков не отделяться от мужиков, говорит, что крестьяне и казаки одинаково русские, то этот простой казак Афонька решительно ему отвечает: «Брешешь!».

— «Казаки от русских произошли, знаешь про это?» — спрашивает Штокман.

— «А я тебе говорю — казаки от казаков»

ведутся" — твердо отвечает тот же Афонька. А когда Штокман с носом уходил от казаков, то последние закричали ему вслед:

— „Сволочь поселилась!.. ишь, поганка, в мужиков заботел переделаты!..“

Официальный орган Штаба Донской Армии, газета „Казачий Вестник“ (в Крыму!), уловив „биение казачьего пульса“, правильно поняв настроение и историческое стремление казаков, так определял свою политическую программу: „создание триединого казачьего Доно-Кубано-Терского государства, исторически связанного с древними казачьими республиками, уничтоженными Петром Первым“... Эту свою политическую программу та же газета обосновывала следующим образом: „Какое нам дело до России? хочет она себе коммуны — пусть себе живет с коммуной. Хочет царя — пусть наслаждается царем. А мы хотим жить так, как нам разум, совесть и дедовский обычай велят. Дай Бог нам снова вернуться на Дон, очистить от коммунистической нечести. Мы ошестившимся штыками, потребуем, чтобы нас оставили в покое“. Эти мотивы и эти цели, которые ставила себе Донская Армия в 1920 году в Крыму, являются актуальными и до наших дней.

... В феврале 1917 года восторжествовали не изжитые Казачеством идеалы древне-русской вольницы. Ныне, очутившись в Крыму, Казачество не откажется от своего права на самоопределение“, писала та же газета, совершенно правильно отражая подлинное настроение и политическое стремление казаков. В этой краткой политической формуле ярко отражена основная сущность казачьей души, с глубокой древности стремящейся к освобождению, к свободе, но эту рвущуюся к свободе казачью душу московские цари и их слуги каленым железом сжигали, потоком крови заливали.

Это отношение московских царей к казакам, к их стремлению хорошо определяет б. председатель „Круга Спасения Дона“, М. А. Горчуков, квалифицирующий это отношение, как постоянную охоту за казачьими черепами. — „Ведь казак всегда был предметом охоты и эта охота мне часто представляется, как охота за черепами. Да, много есть охотников за казачьими черепами, продолжает Горчуков, — ... но мы идем к освобождению, которого так жаждет казачья душа“... Правда, этот самый Горчуков ныне — один из отчаянных противников казачьего освободительного движения, которого, по мнению Горчукова, „так жаждет казачья душа“, но он, Горчуков, теперь думает как то мирно уладить дело с этими самыми „охотниками за казачьими черепами“, но в минуту откровенности и в пылу ораторского увлечения с его уст сорвалась святая истина!

В 1917 году все казачьи войсковые части „9-ти Казачьих Войск“ при Особой Армии, в своем воззвании к казакам писали: „... проведем в жизнь наши заветные мечты о вольном казачьем самоуправлении... Уже родилась свободная Финляндия, рождается свободная Украина. Мы создадим Вольное Казачество“.

О „не изжитых“ казачьих стремлениях к свободе, к отдельному государственному существованию говорил и тот член Донского Круга, который обращался к Казачеству с призывом: „пригребай к своему берегу!“.. Об этих же стремлениях свидетельствует существовавшая у казаков „пограничная болезнь“.

О трагической судьбе Казачества, о его неосуществленных чаяниях рассказывает и б. Командующий Донской Армией ген. В. И. Сидорин, который считает, что над Казачеством висит дамоклов меч. „Под этим дамокловым мечом я разумею то, что... Горчуков назвал охотой за казачьими черепами и, что я (Сидорин) называю вкоренившимся традиционным взглядом (русских) на казачество исключительно, как на отличную боевую силу, как на пушечное мясо“, — говорит Сидорин.

Донской Атаман ген. Богаевский в меморандуме, поданном иностранным державам, „указывал на историческое право казаков на самостоятельное существование“, доказывал, что „независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой“.

— „Представляя из себя последние два с половиной года самостоятельное государство с определенными территориями и населением... оросив кровью каждую пядь своей земли, отставив старинные вольности, Донское Казачество не может помириться с поглощением его сов. Россией“, — писал в 1920 году Ат. Богаевский Врангелю.

Замечательное признание, от которого теперь Богаевский, вероятно, будет и руками и ногами открепиваться: Казачество, орошая каждую пядь своей земли, боролось не за „Единую, Неделимую“, как теперь говорит Богаевский, а боролось „отставив старинные вольности“ Казачества!

Я не буду указывать на тот величайший фактор — на существование в 1917-20 г. г. самостоятельных, независимых казачьих государств, на их богатую и разнообразную творческую законодательную работу по строительству народной жизни, на героическую и жертвенную борьбу Казачества „за свой порог и угол“. Также не буду ссылаться на статьи Основных Законов существовавших Казачьих Государств.

Этот фактор всем известен, через него перепрыгнуть никак нельзя и о котором и так уже много раз говорилось. Но следует упомянуть и напомнить казак, что, если фактом разрушения существовавших казачьих государств, они до некоторой степени освобождены от юридических обязанностей по отношению к этим государствам, то существует обязательный для всех донских казаков моральный закон — присяга „быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому своему Отечеству“... клятва казаков „обещаю слушать ему до последней капли крови, всеми силами содействуя славе и процветанию Войска Донского („Своему Отечеству“)“...

И эта присяга являлась выражением подлинного „казачьего древнего обыкновения“!

Итак:

с древних времен и до наших дней, как у далеких казачьих предков, так и в душе современного казака крепко сидело и сидит:

1) одинаковое понимание казачьей природы, что Казачество имеет свое особое племенное происхождение, свою особую, отличную от русской, историю, особый народный быт, обычай, особую казачью психологию, особую духовную и физическую природу;

2) одинаковое сознание, несмотря на страшные и кровавые подавления, на „вырывание ноздрей“ (брату

Как русские люди и до сих пор еще пишут о казаках.

Для характеристики того, как русские пишут казачью историю, приведем ниже несколько мест из статьи некоего Владимира Абданк-Коссовского „Покорение Сибири“, помещенной в „Возрождении“, в номере от 7 июля с. г.:

... „Чего не могло достигнуть правительство, то сделали частные люди (Строгановы. Ред.) в соединении с удалыми разбойниками, поволжскими казаками“.

„Узнав о приближении к их владениям одной из казацких шаек, прославившейся своими разбоями на Волге, Строгановы пригласили ее к себе на службу“...

„Ермаку с одной стороны нужно было укрыться с дружиною от преследования московских воевод, а с другой — найти новое и добычное место для грабежей“.

(Разбивка наша. Ред.)